

Alexei ROMANCHUK

BULAESTIAN IDIOM “МОКРЕЙ ЯК ЩУР”: TO THE RECONSTRUCTION OF MEANING

Rezumat

Un idiom bulaeștean “мокрей як щур”: la reconstruirea sensului

Un idiom bulaeștean “мокрей як щур” în mod literal înseamnă “ud ca un șobolan”. Mai rar ucrainenii din s. Bulăești folosesc un alt idiom, “мокрей як меш”, deci “ud ca un șoarece”. Ambele idiomuri sunt folosite când cineva s-a udat tare (a nimerit sub ploaie, de exemplu). O traducere exactă trebuie să transmită sensul de “ud până la piele”. Dicționarele de idiomuri ucrainene nu cunosc nici «мокрий як щур», nici «мокрий як миш». Sensul citat mai sus este transmis prin alte idiomuri. Dar, totuși, idiomul «мокрий як щур» există în dialectul ucrainean din raionul Krasilov al regiunii Hmelnytskyi. Adică, nu putem să excludem că el există și în alte dialecte ucrainene. În limba rusă este foarte cunoscută expresia «мокрый как мышь» cu același sens. O expresie identică “mokry kaž myš” vedem și în limba sorabă de sus. Așadar, faptele de față ne permit să presupunem că acest idiom are o origine slavă veche. Cu toate acestea, slavonul *šćigrъ ‘șobolan’ lipsește în limba rusă. Dar există și este bine cunoscut un alt cuvânt rusesc, щурёнок ‘știucă tînără (Esox lucius)’ (mot a mot: ‘щур mititel’). Deci, putem să presupunem că anume existența acestei expresii ruse ne permite să explicăm și originea idiomurilor slave de tip “мокрей як щур”. Procesele de transemantizare, care au avut loc în antichitate între lexemele slave *šćigrъ (ca și lexemul *aščerъ ‘șopârlă’), și au putut procrea sensuri noi.

Cuvinte-cheie: idiom, frazeologie, ucrainean, slav, rus, dialect, șobolan, șoarece, știucă.

Резюме

Булаештский фразеологизм «мокрей як щур»: к реконструкции смысла

Булаештский фразеологизм «мокрей як щур» в буквальном переводе значит «мокрый как крыса». Реже украинцы с. Булаешты используют идиому «мокрей як меш», то есть «мокрый как мышь». Эти выражения используются, если кто-то очень сильно промок (например, попал под проливной дождь). И адекватный перевод обеих идиом подразумевает передачу смысла «промок до нитки; насквозь мокрый». Украинские словари фразеологизмов не знают ни выражения «мокрий як щур», ни «мокрий як миш». Значение «промок до нитки» передается в украинском языке с помощью иных идиом. Тем не менее, идиома «мокрий як щур» фиксируется в украинском говоре Красиловского района Хмельницкой области. Соответственно, мы не можем исключить, что он существует и в не-

которых других украинских говорах. В русском языке широко известно выражение «мокрый как мышь» с тем же значением. Идентичное выражение “mokry kaž myš” представлено и в верхнелужицком языке. Соответственно, эти факты позволяют предположить, что данная идиома имеет праславянское происхождение. При этом славянское *šćigrъ ‘крыса’ в русском языке отсутствует. Однако хорошо известно русское щурёнок ‘молодая щука (Esox lucius)’ (букв.: ‘маленький щур’). Исходя из этого, мы можем предположить, что именно существование русского щурёнок ‘молодая щука’ позволяет объяснить возникновение славянских идиом типа “мокрей як щур”. Происходившие в древности процессы транссемантизации между различными славянскими лексемами *šćigrъ (а также *aščerъ ‘ящерица’) и могли породить новые смыслы.

Ключевые слова: идиома, фразеология, украинский, славянский, русский, диалект, крыса, мышь, щука.

Summary

Bulaestian idiom “мокрей як щур”: to the reconstruction of meaning

The Bulaestian idiom “мокрей як щур” in a word-by-word translation means ‘wet as a rat’; it refers to a person who gets wet in a heavy rain. As a variant (but rarer), the speakers of Bulaestian dialect use “мокрей як меш”, i. e. ‘wet as a mouse’. The adequate translation of both variants in English has to give a meaning of “completely wet”. The Ukrainian special dictionaries include neither “мокрий як щур”, nor “мокрий як миш”. The meaning of “completely wet; soaked to the skin” is conveyed by some other idioms in the Ukrainian language. However, “мокрий як щур” is known in a Ukrainian dialect (the Krasilov district of the Khmelnytskyi region). Thus, we cannot exclude that it exists in some other Ukrainian dialects as well. The Russian language speakers know the idiom “мокрый как мышь” with the same meaning of “completely wet”. The idiom “mokry kaž myš”, identical to Russian “мокрый как мышь”, is known also by Upper Lusatian language speakers. It makes us suppose that the idiom has a for-Slavic origin. Slavic *šćigrъ ‘rat’ is absent in the Russian language. However, there is a well-known Russian щурёнок ‘young pike (Esox lucius)’ (word translation ‘small щур’). Thus, we can suppose the existence of Russian щурёнок ‘young pike (Esox lucius)’ as a reason for the appearance of Slavic idioms like “мокрей як щур”/“мокрей як меш”. Some ancient inter crossing of semantics between different Slavic lexemes *šćigrъ (and *aščerъ ‘lizard’, also) could provoke the appearance of some new meanings.

Key words: idiom, phraseology, Ukrainian, Slavic, Russian, dialect, rat, mouse, pike.

Bulaesty (Bulăești, Булаешты) is a Ukrainian village in Orhei district of the Republic of Moldova. There were published a number of papers and books concerning this ethnographic group of Ukrainians in the last decade (some of them are [16; 18; 8; 9; 12]).

Some of these papers deal with ethno-linguistic issues. First of all, I should mention here two articles about the rite of passing hens over the tomb pit [17; 26]¹. A paper concerning the asynchronous VN-reflexes in Bulaestian dialect presents some new important insights as well [27]².

This paper continues the ethno-linguistic studies of Bulaestians and focuses on an interesting Bulaestian phraseological unit (standard comparison; henceforth - SC) “мокрей як щур” (//мокре“ййакш’: ур//). In a word-by-word translation, it means ‘wet as a rat’; it refers to a person who gets wet in a heavy rain. As a variation (but rarer; this variant looks like a secondary derivative from the original “мокрей як щур”) the speakers of the Bulaestian dialect use “мокрей як меш” (//мокре“ййакмеш//), i. e. ‘wet as a mouse’.

The adequate translation of both variants in English has to give a meaning of “completely wet; soaked to the skin”.

So, what is the original meaning of this Bulaestian idiom? As well as the origin of the idiom itself, of course?

Well, we can suppose that the answer could be found through the analysis of data from the Ukrainian dialectal continuum.

But, do these idioms exist in some other Ukrainian dialects?

A search in “Google Scholar” matches no results either for “мокрей як щур”, or for “мокрей як миш”(i. e., for Ukrainian dialectal continuum). The most complete dictionary of Ukrainian phraseological units at present [21] does not include any variants of this SC either. The meaning of “completely wet; soaked to the skin” is conveyed in the Ukrainian language by some other SC [15, p. 88].

However, according to the kind consultation of N. D. Kovalenko (she is a specialist in Ukrainian phraseology of Podolie region (first of all); I am grateful to N. D. Kovalenko and I. V. Gorofyanyuk for this information), the SC “мокрей як щур” is used in the Krasilov district of the Khmelnytsky region. This is part of the area of South Volynian dialect of the Ukrainian language.

Thus, we cannot exclude that the SC «мокрей як щур» exists in some other Ukrainian dialects as well. It is quite clear, I think, that this is a very rare and archaic idiom for the Ukrainian dialectal continuum.

It looks more interesting if we take into account that Russian language knows the idiom “мокрей как мышь” with the meaning of “completely wet; soaked to the skin” exactly. Moreover, this is a very popular Russian idiom.

Another important fact is that the idiom “мокрей как мышь”, identical to Russian “мокрей как мышь”, is known to Upper Lusatian language speakers also [25, p. 510].

So, these facts prove the supposition that the idiom “мокрей як щур”/“мокрей як меш” has a for-Slavic origin, probably.

At least for-Slavic, because more or less similar idioms exist in some other Indo-European and not Indo-European languages.

Thus, in the Persian language we find among SC the Persian equivalent “مدی ش کبب آش و ملثم” that is a close analogue of the Russian idiom “... мокрей как мышь [5, p. 67]. The Kyrgyz language has the idiom «Сууга тушкон чычкан дай (букв. “как мышь, упавшая в воду”) – ‘мокрей’» [2, p. 52, table 2].

Well, what is the original meaning of the idiom “мокрей как мышь”?

The etymological dictionary of Russian idioms does not mention any idioms of such kind [4]. The big dictionary of Russian proverbs does not either [14].

So, the question seems to be open.

Looking for the answer, we should start from the fact of the absence of the Slavic *ščurь ‘rat’ in the Russian area. The Slavic *ščurь ‘rat’ has narrower distribution: “... узкое распространение слова *ščurь в славянском (только в северной части славянского мира, исключая великорусский...) [the word has a narrower spread in the Slavic language [only in the Northern part of the Slavic world, except Great Russian]]” [22, 348]. Some Northern Russian dialects know *ščurь also, but with another meaning, ‘earthworm’; and, it is supposed that the etymology of the Russian *ščurь ‘earth worm’ differs from the etymology of the Slavic *ščurь ‘rat’ [23, p. 511].

Well, we encounter quite a complicated question of the etymology of the Slavic *ščurь ‘rat’. It is not linked with the existence of four different Slavic lexemes *ščurь; at least three of them have a clear different origin as well.

Without diving in the deep water of the question of etymology, let us mention that in the Russian language exists one more, fifth, lexeme *ščurь. This lexeme is usually not considered in the issue of the

origin of any other Slavic lexeme *šćurъ (though, it could be important, I think).

The lexeme I talk about is the well-known Russian word щурёнок 'young pike (*Esox lucius*)' (word translation 'small щур').

Whatever the etymology of the Russian щурёнок 'young pike' would be, it is evidently linked with at least one of the mentioned Slavic lexemes *šćurъ. In addition, it is clear that for any fish (unlike rat); its use is normal and well understandable in a standard comparison with the meaning 'completely wet'. "Wet as a fish" sounds very natural.

Thus, we can suppose that the existence of the Russian щурёнок 'young pike (*Esox lucius*)' is a reason for the appearance of the Slavic idioms like "мокрей як щур"/"мокрей як меш". Some ancient inter crossing of semantics between different Slavic lexemes *šćurъ (and *ašćerъ 'lizard') could provoke the appearance of some new meanings.

We know for sure that such ancient inter crossing of semantics happened. O. N. Trubachev cites R. Jakobson's opinion that Slavic *šćurъ 'rat' from the very beginning meant the chthonian creatures in different Slavic dialects [23, p. 511]. The Russian „ящур ... вид мыши или сони, *Myoxus avellanarius* [a kind of mouse or dormouse]" [23, p. 573; 24, p. 477] is an interesting example of these semantic inter crossing.

In addition, it is well known that in many Slavic (especially Southern Slavic) mythological systems the lizard is highly associated with water: „в болгарских народных преданиях ящерице присуща функция охранительницы воды ... [the lizard has the function of water protector in the Bulgarian folk tales" [10, p. 359]. On the other hand, the rat and mouse in Slavic mythology belong to the same class of animals ("reptiles and amphibians") with the frog, snake, and lizard: "Мыши и крысы относятся к гадам, объединяясь с лягушками и змеями (и ящерицами [Mice and rats are reptiles, merging with frogs and snakes (and lizards)])" [10, p. 403]; see also: [3, p. 121; 6, p. 26-28]. And, A. V. Gura also points out the use of the term щур for the designation of the whole class of "reptiles and amphibians": "используются чаще всего термины «гады, щур, погань, нечисть» [the terms «creeps, scum, trash, evil» are used more often]" [10, p. 274].

It is worth adding that some Slavists doubt whether the Slavic lexeme ящур is a variant of ящер: "нетипичная контаминация гласных е/у, а также очень широкий ареал наименований с корнем ящур-, не позволяющий рассматривать эти слова как экстенциальные, не дают основания рассматривать зоонимы ящурка, ящурица, ящюра и ящур как варианты лексем с корнем ящер-. Эти-

мологические данные не подтверждают не только тождество, но даже версию о родстве корней ящер- и ящур-" [A typical contamination of the vowels е/у, as well as a very wide range of names with the root of ящур-, which does not allow to consider these words as extensional, do not give grounds to consider zoonyms of ящурка, ящурица, ящюра and ящур as variants of lexemes with the root ящер-. Etymological data do confirm neither the identity, nor the version about the kinship of the roots ящер- и ящур-] [1, p. 28]. Well, the second conclusion of these authors looks like too "daring". However, both versions of the origin of the Slavic ящур 'вид мыши или сони, *Myoxus avellanarius*' really ties it with the influence of the semantics of *šćurъ 'rat' [23, p. 573]. Anyway, the existence and broad distribution in the Slavic world of two essentially different variants for the denomination of lizard is a fact.

Next, let us remember that V. N. Toporov and O. N. Trubachev suggested the Finno-Ugrian origin of the Slavic щур 'rat' and щука 'pike (*Esox lucius*)' both: "...славяно-финское соответствие названий крысы, мыши: польск. *szczur* 'крыса', укр. *щур* и др.; морд. *tsever, tsejer, sejdr*, фин. *Hiiri* 'мышь', удм. *sir* и др. ..." [22, p. 348].

Many modern Slavists consider the idea of Finno-Ugrian origin of the Slavic щур 'rat' as "the most probable": «псл. *šćurъ ...наивероятнейшим является предположение (Топоров, Трубачев) о финно-угорском происхождении» [the most probable is the assumption (Toporov, Trubachev) of the Finno-Ugrian origin] [11, p. 516]. What concerns the Slavic щука 'pike', the supposition of V. N. Toporov and O. N. Trubachev do not meet such a common acceptance [11, p. 515]. The majority of specialists believe that it has the origin from an Indo-European *skeu 'sharp; to cut'³.

Well, anyway, the ancient contacts between the Slavs and Finno-Ugrian could cause the mentioned inter crossing of semantics.

The Finno-Ugrians believed that the pike is the lord of fishes and of water [6, p. 29]. The Finno-Ugrians looked upon frogs very respectfully too [6, p. 27].

The Slavic mythological systems treated the pike ambivalently. On the one hand, we have the well-known Russian fairy-tale about "Emelya half-wit" and his friendship with the magic pike ("По щучьему веленью"/"By the will of the pike"). On the other hand, A. V. Gura mentions that Slavic peoples believed that the pike is "an impure being": "Щука воспринимается как нечистое существо" [10, p. 752], as well as the rat, which is often believed (by the Polacks) to be an impersonation of devil.

Byelorussians of Vitebsk region believe that mice are the souls of ancestors. In addition, let me mention here that there is one more Slavic lexeme щур/пращур 'ancestor' [11, p. 515].

Besides, both Finno-Ugrian and some Slavic peoples believe that the snake, frog, mouse, rat or mole (Talpa gen.) could personify the ghost "lord of barn" [6, p. 28].

Thus, these beliefs and semantic inter crossing were, I think, served as ground and causes for the appearance of the Slavic idioms like the Bulaestian "мокрей як щур"/"мокрей як меш".

Notes

¹It is worth adding here a new, Komi-Permyak, analogy, which is very close (or, it would be better to say identical) to the same East Romanian and Bulaestian rituals: "В похоронном обряде коми-пермяков курицу было принято передавать через гроб одному из участников похорон, в некоторых местах обязательно тому, кто обмывал умершего, или нищему. Зафиксировано два объяснения этого обычая: 1) курица, загребая землю лапами назад, заполняет землей могилу, и на ее месте не будет впадины; 2) курица клюет червей, и тело человека будет защищено от них" [7, p. 71]. The important fact: Permian **kureg* 'hen' is an ancient Iranian loanword [7, p. 61; 13, p. 147]. So, we could suppose that the Finno-Ugrian "hen's rituals" were borrowed from the same source too. Thus, East Romanian-Finno-Ugrian parallels in "hen's rituals" could be explained, probably, by the "Savirian episode" in Volokh's history [19].

²I would like to add some new facts here as well.

As it was many times pointed out, phonetic processes of /a/ to /e/ (and /e/ to /a/) transition do not exist in the Bulaestian dialect. However, we can see some exceptions. Besides the previously mentioned, let me cite here: //в'ін с'ау// – 'he set down'; //здор'ов'я// – 'health' (/e/ to /a/ transition). And: //ко'ч'ило// – 'stove ring'; //Гане Зач'ік'а// – 'The Conception of Saint Anna' Holiday (/a/ to /e/ transition).

³One more interesting fact: Komi language possesses the lexeme шыр'mouse', which derives from Permian šúr'mouse', and the lexeme шырны'to cut, to chop, to shear', which derives from Permian šúr 'to cut, to shear' [13, p. 326].

In general, the interactions between different semantics (and different mythological systems) could be more complicated, multi-layered and longstanding.

Thus, the Ukrainian щур'rat' could be at some point influenced by the Romanian șoarece [șoareče] 'mouse', which comes from Latin *sorex* 'shrew' [20, p. 499]. Șoarece is used sometimes for 'rat' as well; the bearers of the Moldovan dialect of the Romanian language often palatalize the initial consonant in șoarece, so it sounds like [șoareče]. Could contacts with Ukrainian щур be the reason for this palatalization?

At least, the more common Romanian șobolan [șobolan] 'rat' just came from Slavic *sobolъ* 'sable, Martes zibellina' [20, p. 499, 389].

So, we should keep in mind here the Latin *sorex* 'shrew' as well. And, let me remind that M. Vasmer didn't exclude the comparison of the Russian *сурок* 'groundhog, marmot' with the Latin *sorex*.

Bibliography

1. Баженова Т. Е., Баженов Н. Ю. Наименования ящерицы в русских говорах. In: Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования). СПб.: Нестор-История, 2015, с. 20-31.

2. Бакаева Ж. Д. Семантические отношения в системе фразеологии (на материале фразеологизмов-анимализмов). In: Вестник Кыргызско-Российского Славянского Университета. Бишкек, 2007, № 7 (7), с. 48-53.

3. Баранов Д. А., Мадлевская Е. Л. Образ лягушки в вышивке и мифопоэтических представлениях восточных славян. In: Женщина и вещественный мир культуры у народов Европы и России. Под ред. Т. А. Бернштам. СПб.: МАЭ РАН, 1999, с. 111-130.

4. Бирих А. К., Мокиенко В. М., Степанова Л. И. Русская фразеология. Историко-этимологический словарь. Около 6000 фразеологизмов. М.: Астрель, 2005. 704 с.

5. Валипур А., Ибрагимшарифи Ш. Устойчивые сравнения с названиями животных и их национально-культурная специфика в русском и персидском языках. In: Филологические науки. Вопросы теории и практики. Москва, 2016, № 2 (56). Ч. 2, с. 66-68.

6. Винокурова И. Ю. Животные в традиционном мировоззрении вепсов (опыт реконструкции). Автореф. дисс. ... докт. истор. наук. Петрозаводск: КНЦ РАН, 2007. 48 с.

7. Голева Т. Г. Петух и курица в традиционной культуре коми-пермяков. In: Вестник Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. Серия 3: Гуманитарные и общественные науки. Вып. 1, 2014, с. 60-74.

8. Гороф'янюк І. В. Лексична архаїка української говірки с. Булаєшти Республіки Молдова. In: Jahrbuch der IV. Internationalen virtuellen Konferenz der Ukrainistik «Dialog der Sprachen – Dialog der Kulturen. Die Ukraine aus globaler Sicht». Reihe: Internationale virtuelle Konferenz der Ukrainistik. Bd. 2013 Herausgegeben. München-Berlin, 2014, с. 28-35.

9. Гороф'янюк І. В. Фонетичні архаїзми української говірки с. Булаєшти Республіки Молдова: система вокалізму. In: „Волинь-Житомирщина”: Историко-філологічний збірник з регіональних проблем. Вип. 26. Житомир: Вид-во ЖДУ ім. І. Франка, 2015, с. 40-47.

10. Гура А. В. Символика животных в славянской народной традиции. М.: Индрик. 912 с.

11. Етимологічний словник української мови. Т. 6. Під ред. О. С. Мельничука. Київ: Наукова думка, 2012. 569 с.

12. Кожухар К. С. Локальные особенности названий пищи и питания в украинском говоре села Булаешты Оргеевского района Республики Молдова. In: *Revista de Etnologie și Culturologie*, 2014. Vol. XVI, с. 50-59.

13. Лыткин В. И., Гуляев Е. С. Краткий этимологический словарь коми языка. М.: Наука, 1970. 386 с.

14. Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Большой словарь русских поговорок. М.: Олма Медиа Групп, 2007. 785 с.

15. Олійник І. С., Сидоренко М. М. Українсько-російський і російсько-український фразеологічний тлумачний словник. Київ: Радянська школа, 1991. 400 с.

16. Романчук А. А. Антропоним Булай и савиры: вопрос о корреляции. In: *Revista de Etnologie și Culturologie*, 2010. Vol. VII, с. 96-98.

17. Романчук А. А. Этнолингвистика обряда передачи курицы над могилой у булаештских украинцев и его восточнороманские и славянские параллели: общее и особенное. In: *Філологічний часопис: збірник наукових праць*. Вип. 1 (9). Умань: Візаві, 2017, с. 62-74.

18. Романчук А. А., Тащи И. Н. Ранняя история украинского села Булаешты в контексте истории Молдовы (XIV – начало XVII вв. от Р. Х.). Кишинев: Высшая Антропологическая Школа, 2010. 144 с.

19. Романчук А. А., Цвигун Ю. О. Антропонимическая модель на -й в историческом русском ареале и средневековой Молдове: основные результаты квантитативного анализа и их интерпретация. Кишинев: *Stratum plus*, 2014. 100 с.

20. Скурт Дикционар Етимолоджик ал Лимбий Молдовенешть. Суб ред. Н. Д. Раевский, М. А. Габинский. Кишинев: РПАЕМ, 1978. 678 с.

21. Словник фразеологізмів української мови. Укл. В. М. Білоноженко та ін. Київ: Наукова думка, 2003. 788 с.

22. Топоров В. Н., Трубачев О. Н. Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья. In: Трубачев О. Н. Труды по этимологии. Слово. История. Культура. Т. 4. М.: Языки славянской культуры, 2009, с. 9-382.

23. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. 4. М.: Прогресс, 1987. 864 с.

24. Черных П. Я. Историко-этимологический словарь русского языка. Т. 2 (Панцирь – Ящур). М.: Русский язык, 1999. 560 с.

25. Mokienko V. M. Ivčenko Anatolij, Wölke Sonja, Hornjo serbski frazeologiski slownik / Obersorbisches phraseologisches Wörterbuch / Верхнелужицкий фразеологический словарь [compte-rendu]. In: *Revue des Études Slaves*, 2006, № 77 (3), p. 507-510.

26. Romanchuk A. A. The rite of passing the hen over the tomb pit in the funeral tradition of Bulaest's Ukrainians and its East Romanian and Slavic parallels: similarities and differences. In: *Revista de Etnologie și Culturologie*, 2017. Vol. XXI, p. 61-65.

27. Romanchuk A. A. The early ethnic history of Bulaestian dialect speakers through the issue of asynchronous VN-reflexes in the Ukrainian dialectal continuum. In: *Revista de Etnologie și Culturologie*, 2017. Vol. XXII, p. 68-71.

References

1. Bazhenova T. E., Bazhenov N. Iu. Naimenovaniia iashcheritsy v russkikh govorakh. In: *Leksicheski atlas russkikh narodnykh govorov (Materialy i issledovaniia)*. SPb.: Nestor-Istoriia, 2015, p. 20-31.

2. Bakaeva Zh. D. Semanticheskie otnosheniia v sisteme frazeologii (na materiale frazeologizmov-animalizmov). In: *Vestnik Kyrgyzsko-Rossiiskogo Slavianskogo Universiteta*. Bishkek, 2007, № 7 (7), p. 48-53.

3. Baranov D. A., Madlevskaia E. L. Obraz liagushki v vyshivke i mifopoeticheskikh predstavleniakh vostochnykh slavian. In: *Zhenshchina i veshchestvennyi mir kul'tury u narodov Evropy i Rossii*. Pod red. T. A. Bernsh-tam. SPb.: MAE RAN, 1999, p. 111-130.

4. Birikh A. K., Mokienko V. M., Stepanova L. I. Russkaia frazeologiya. *Istoriko-etimologicheskii slovar' Okolo 6000 frazeologizmov*. M.: Astrel', 2005. 704 p.

5. Valipur A., Ibragimsharifi Shch. Ustoichivye sravneniia s nazvaniiami zhivotnykh i ikh natsional'no-kul'turnaia spetsifika v russkom i persidskom iazykakh. In: *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. M., 2016, № 2 (56), Ch. 2, p. 66-68.

6. Vinokurova I. Iu. *Zhivotnye v traditsionnom mirovozzrenii vepsov (opyt rekonstruktsii)*. Avto-ref. diss. ... dokt. istor. nauk. Petrozavodsk: KNTs RAN, 2007. 48 p.

7. Goleva T. G. Petukh i kuritsa v traditsionnoi kul'ture komi-permiakov. In: *Vestnik Permskogo gosudarstvennogo gumanitarno-pedagogicheskogo universiteta. Seriya 3: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*. Vyp 1, 2014, p. 60-74.

8. Gorof'ianiuk I. V. Leksichna arkhaika ukraïns'koï govirki s. Bulaeshti Respubliki Moldova. In: *Jahrbuch der IV. Internationalen virtuellen Konferenz der Ukrainistik «Dialog der Sprachen – Dialog der Kulturen. Die Ukraine aus globaler Sicht»*. Reihe: Internationale virtuelle Konferenz der Ukrainistik. Bd. 2013 Herausgegeben. München-Berlin, 2014, p. 28-35.

9. Gorof'ianiuk I. V. Fonetichni arkhaižmi ukraïns'koï govirki s. Bulaeshti Respubliki Moldova: sistema vokalizmu. In: "Volin'-Zhitomirshchina": *Istoriko-filologichni zbirnik z regional'nikh problem*. Vyp. 26. Zhitomir: Vid-vo ZhDU im. I. Franka, 2015, p. 40-47.

10. Gura A. V. *Simvolika zhivotnykh v slavianskoi narodnoi traditsii*. M.: Indrik, 912 p.

11. *Etimologichni slovník ukraïns'koï movi*. T. 6. Pid red. O. S. Mel'nichuka. Kii'v: Naukova dumka, 2012. 569 p.

12. Kozhukhar K. S. Lokal'nye osobennosti nazvaniï pishchi i pitaniia v ukrainskom govore sela Bulaeshty Orgeevskogo raiona Respubliki Moldova. In: *Revista de Etnologie și Culturologie*, 2014. Vol. XVI, p. 50-59.

13. Lytkin V. I., Guliaev E. S. *Kratkii etimologicheskii slovar' komi iazyka*. M.: Nauka, 1970. 386 с.

14. Mokienko V. M., Nikitina T. G. *Bo'l'shoi slovar' russkikh pogovorok*. M.: Olma Media Grupp, 2007. 785 p.

15. Oliinik I. S., Sidorenko M. M. *Ukraïns'ko-rosiis'kii i rosiis'ko-ukraïns'kii frazeologichni tлумachnii slovník*. Kii'v: Radians'ka shkola, 1991. 400 p.

16. Romanchuk A. A. Antroponim Bulai i saviry: vopros o korreliatsii. In: Revista de Etnologie și Culturologie, 2010. Vol. VII, p. 96-98.
17. Romanchuk A. A. Etnolingvistika obriada peredachi kuritsy nad mogiloi u bulaeshtskikh ukraintsev i ego vostochnoromanske i slavianskie paralleli: obshchee i osobennoe. In: Filologichnii chasopis: zbirnik naukovikh prats' Vip. 1 (9). Uman': Vizavi, 2017, p. 62-74.
18. Romanchuk A. A., Tashchi I. N. Ranniaia istoriia ukrainskogo sela Bulaeshty v kontekste istorii Moldovy (XIV – nachalo XVII vv. ot R. Kh.). Kishinev: Vysshaia Antropologicheskaiia Shkola, 2010. 144 p.
19. Romanchuk A. A., Tsvigun Iu. O. Antroponimicheskaiia model' na -i v istoricheskom russkom areale i srednevekovoi Moldove: osnovnye rezul'taty kvantitativnogo analiza i ikh interpretatsiia. Kishinev: Stratum plus, 2014. 100 p.
20. Skurt Diktsionar Etimolodzhik al Limbii Moldovenesht'. Sub red. N. D. Raevskii, M. A. Gabinskii. Kishineu: RPaEM, 1978. 678 p.
21. Bilonozhenko V. M., Gnatiuk I. S., Diatchuk V., Nerovnia N. M., Fedorenko T. O. Slovník frazeologizmiv ukrains'koi movi. Kii'v: Naukova dumka, 2003. 788 p.
22. Toporov V. N., Trubachev O. N. Lingvisticheskii analiz gidronimov Verkhnego Podneprov'ia. In: Trubachev O. N. Trudy po etimologii. Slovo. Istoriia. Kul'tura. T. 4. M.: Iazyki slavianskoi kul'tury, 2009, p. 9-382.
23. Fasmer M. Etimologicheskii slovar' russkogo iazyka. T. 4. M.: Progress, 1987. 864 p.
24. Chernykh P. Ia. Istoriko-etimologicheskii slovar' russkogo iazyka. T. 2 (Pantsir' – Iashchur). M.: Russkii iazyk, 1999. 560 p.
25. Mokienko V. M. Ivčenko Anatolij, Wölke Sonja, Hornjoserbski frazeologiski słownik / Obersorbisches phraseologisches Wörterbuch / Verkhneluzhitskii frazeologicheskii slovar' [compte-rendu]. In: Revue des Études Slaves, 2006, № 77 (3), p. 507-510.
26. Romanchuk A. A. The rite of passing the hen over the tomb pit in the funeral tradition of Bulaesty's Ukrainians and its East Romanian and Slavic parallels: similarities and differences. In: Revista de Etnologie și Culturologie, 2017. Vol. XXI, p. 61-65.
27. Romanchuk A. A. The early ethnic history of Bulaestian dialect speakers through the issue of asynchronous VN-reflexes in the Ukrainian dialectal continuum. In: Revista de Etnologie și Culturologie, 2017. Vol. XXII, p. 68-71.

Alexei Romanciuc (Chișinău, Republica Moldova). Cercetător științific, Centrul de Etnologie, Institutul Patrimoniului Cultural.

Алексей Романчук (Кишинев, Республика Молдова). Научный сотрудник, Центр этнологии, Институт культурного наследия.

Aleksey Romanchuk (Chisinau, Republic of Moldova). Researcher, Center of Ethnology, Institute of Cultural Heritage.

E-mail: dierevo@mail.ru, dierevo5@gmail.com